

ГЛАВА 1

Лондон, сентябрь 1896 года

Не шагни Хелен Бартон под омнибус, возможно, я до сих пор мела бы полы и растапливала камин претenziозного дома в Сент-Джонс-Вуд. Но я в кои-то веки последовала совету отца. «*Carpe diem!*» — это выражение было его любимым: «Лови момент!», «Не упусти свой шанс!». Обычно он добавлял: «Возможно, это единственный шанс, который тебе дан». Отец исходил из собственного опыта. Образованный человек из хорошей семьи, он знал лучшие времена. Поскольку мой дед был младшим сыном в семье, следовательно, его сын, мой отец, не мог рассчитывать на наследство в виде титула с прилагающимся к нему имуществом и, чтобы иметь возможность добиться чего-нибудь в жизни, был отправлен в Индию, где стал офицером бенгальских улан. Во время одного из визитов домой он женился на моей матери, нежном и милом создании. Вскоре стало ясно: суровые условия Бенгалии не для нее, а потому отцу пришлось уйти в отставку и вернуться в Англию.

Судя по его рассказам, он еще совсем молодым человеком понял, что не может рассчитывать на финансовую помощь своего дяди-графа. Отец никогда не говорил, почему так вышло, что за раскол произошел в семье, но это явно вызывало у него горькие чувства. Однако в конце концов он сумел встать на ноги и получил

считавшуюся престижной должностью консьержа в «Са-войе» — новом роскошном лондонском отеле.

Превосходный французский и умение общаться со знатными особами довольно быстро сделали его популярной личностью. Поглаживая ручки престарелых русских графинь и устраивая партии в рулетку лихим европейским принцам, он получал щедрые чаевые. Наше семейство вполне счастливо обитало в районе под названием Хампстед в северо-западной части Лондона. Мы с младшей сестрой Луизой посещали частную школу, а приходящая служанка убирала в доме и готовила. Словом, жизнь у нас была пусть и не роскошной, но довольно приятной, во всяком случае, до тех пор, пока однажды все не рухнуло.

Это случилось, когда отцом овладел зеленый змий. В отеле, где он работал, спиртное лилось рекой. Постояльцы регулярно предлагали ему бокальчик. Отказаться он не мог, так как это сочли бы грубостью. И никто не замечал, как позже консьерж приканчивал всю бутылку.

Я помню тот день, когда он в первый раз пришел пьяным.

— Родди, где ты пропадал? — обеспокоенно спросила мама, когда он заявился домой поздно вечером. — Мы ждали тебя к ужину...

— Не твое дело, женщина! — Отец буквально выплюнул эти слова.

Лицо матери исказилось, будто ее ударили. Младшая сестра испуганно схватила меня за руку: мы никогда не видели отца таким. Обычно он был очень добродушен и, обожая нашу мать, никогда не повышал на нее голос.

— Родди, ты что, выпил? — холодно спросила она.

— Просто общался с гостями отеля. Это, если ты не знала, часть моей работы, — бросил отец и добавил угрожающим тоном: — Мне приходится

зарабатывать на жизнь. Или ты об этом забыла? В конце концов, это ведь из-за тебя мне пришлось оставить службу в Индии и стать прислугой у тех, кто на самом деле мне ровня, кланяться и расшаркиваться перед ними. А сейчас: где мой ужин?!

Я увидела растерянный взгляд матери, заметила, как она сморгнула слезы. После этого дня ничто уже не было прежним. Теперь мы все время как будто ходили на цыпочках, не зная, когда и в каком настроении вернется отец. Порой он бывал таким же веселым и любящим, как и прежде, но иногда словно бы превращался в чудовище, в котором я не узнавала своего папочку.

Нам с Луизой часто приходилось подолгу прятаться у себя в спальне. Вначале мама пыталась убедить его бросить выпивать, молила подумать о семье, но никакие ее слова отца не принимали, и наконец она, похоже, просто сдалась и вскоре увяла как сорванный цветок. Мать никогда не была особенно сильной.

Полагаю, все мы со страхом ждали того, что в итоге действительно произошло: однажды отец явился домой среди бела дня и заявил, что его уволили.

— А все из-за этой дуры, которая якобы видела, как я наливаю себе скотч из бутылки. Ей поверили на слово, хоть я и утверждал обратное. Можете такое представить?! И кто после этого захочет работать в подобном месте? Мне повезло, что я от них отделался!

— Но, Родди, что же мы будем делать? — грустно спросила мама. — Как нам теперь платить за жилье?

— Не беспокойся, я найду что-нибудь еще, — беззаботно отозвался отец. — Такой парень, как я, мигом отыщет работу.

Но этого не случилось. Отец пытался получить новую должность, однако без рекомендаций его не хотели брать ни в одно приличное заведение. Мы беспомощно наблюдали, как он все глубже погружался в уныние и пьянство. От служанки пришлось отказаться. Я, как старшая дочь,

взяла на себя хлопоты по хозяйству, потому что у матери, кажется, не было сил даже на самые элементарные дела. Отец искренне переживал за нее, но это не мешало ему регулярно навещать ее в питейные дома.

Зима в тот год стояла суровая, и цены на уголь подскочили. Мы проводили вечера, сидя вокруг кухонного стола у теплой печки. У матери начался нехороший кашель. Я решила, что ей надо показаться врачу, но отец отверг мое предложение:

— Это просто сильная простуда, Белла. Твоя мать вечно все драматизирует, ты же знаешь.

Может, ее болезнь и началась с простуды, но затем быстро переросла в воспаление легких, и спустя три дня матери не стало. Я не могла поверить, что она умерла. Отец же считал себя виновником ее смерти.

— Моя милая, драгоценная Винни! — вскричал он. — Это я во всем виноват! Только я, и никто больше!

Он заплакал, обняв меня и Луизу. Так мы и стояли втроем, не в силах унять слезы. Мать была благородным и милым существом, обожавшим отца. Хотя врач и сказал, что она умерла от пневмонии, я думаю, истинной причиной стало разбитое сердце.

Мы перебрались в убогую двухкомнатную квартирку над мясной лавкой, где отсутствовала горячая вода, а удобства были на улице. Отец время от времени находил работу: помогал писать письма неграмотным, преподавал французский... Но средств не хватало, и мы перебивались с хлеба на воду. И все же я до конца не понимала, насколько плохи наши дела, пока однажды, как раз накануне моего пятнадцатилетия, отец не объявил, что нашел для меня место. Я должна была оставить обожаемую школу и стать служанкой в большом доме, зарабатывать деньги, кормить отца и Луизу, чтобы тем временем кто-то другой кормил и одевал меня. Я была просто убита горем. Пусть мы не богаты, но ведь я из хорошей семьи!

— Служанка?.. Ты хочешь, чтобы я пошла в услужение?.. — Я едва смогла выговорить эти слова.

— Поверь, я в не меньшем ужасе, чем ты, мое дорогое дитя, — ответил отец. — Но дело в том, что наши деньги заканчиваются. Мы окажемся на улице, если не заплатим за жилье, а я никак не могу найти себе работу. Поэтому мы с твоей сестрой сейчас полагаемся лишь на тебя одну.

Мне хотелось накричать на него, сказать, что мы сможем наскрести на жизнь, если он прекратит посещать распивочные, но, воспитанная в почтении к родителям, я не могла послушаться. Еще больше меня потрясло известие о том, что дом, где отныне мне предстояло трудиться, принадлежит человеку, разбогатевшему на шитье дешевых блуз для работниц. И он сам, и его жена были крикливыми и тщеславными выходцами из низов.

Я стояла на улице, неотрывно глядя на фронтоны и башенки невообразимо уродливого дома.

— Отец, пожалуйста, не заставляй меня туда идти! — взмолилась я. — Я не могу быть прислужгой у этих людей! Понимаю, что придется бросить школу, но должно же найтись для меня какое-то другое место!

— Это ненадолго, Белла, — залебезил он, поглаживая меня по руке. — Обещаю забрать тебя домой, как только снова встану на ноги. А пока ты единственная сможешь сделать так, чтобы твоя младшая сестра не голодала.

Что я могла на это возразить? Отец отлично умел манипулировать чувствами. Он всегда использовал свое обаяние, чтобы заставить мать согласиться с любым его планом, даже самым нелепым.

Вот так я и стала работать у мистера и миссис Тилли в их некрасивом доме на Сент-Джонс-Вуд. Они держали дворецкого, горничную, лакея, двух служанок,

кухарку и судомойку. В качестве служанки для черных работ я должна была вставать в пять утра, разжигать котел и печь, а потом тащить тяжелые ведра с углем в спальню, чтобы хозяева проснулись в тепле. Это была непосильная, утомительная и однообразная работа. Я спала в холодной чердачной комнатенке, деля постель с судомойкой Поппи. К счастью, я настолько выматывалась, что каждый вечер моментально засыпала. Все это напоминало ночной кошмар, от которого никак не удавалось избавиться.

Как-то раз миссис Тилли принимала гостей. Она частенько устраивала чаепития и роскошные ужины. Для нас, слуг, все это означало дополнительную работу. Нам приходилось начищать столовое серебро и вытирать каждую пылинку со стола из красного дерева, за который могло усесться тридцать человек. Лично от меня требовалось еще и набивать все каминные уголки, чтобы в них ярко горело пламя.

На этот раз предстояло чаепитие. Кухарка все утро пекла булочки, бисквитные пирожные и печенье, отчего кухню наполняли восхитительные ароматы. А днем она делала маленькие сэндвичи к чаю: с огурцом, яйцом и кресс-салатом, с копченым лососем. Когда горничная Элси понесла в гостиную поднос с угощением, кухарка спохватилась, что забыла положить миндальное печенье, и сунула блюдо с ним мне в руки:

— Быстро отнеси, пока миссис Тилли не обнаружила, а то этот промах нам чертовски дорого обойдется.

Я выбежала из кухни, промчалась вверх по каменным ступенькам и открыла обитую зеленым сукном дверь, которая отделяла слуг от господского мира. Из гостиной доносились женские голоса. Я прошмыгнула внутрь.

Элси уже поставила поднос на сервировочный столик и разливала чай. Я заколебалась, не зная, что делать дальше, но тут меня заметила миссис Тилли.

— Что тебе надо, девочка? — Ее брови удивленно взметнулись вверх.

— Я принесла миндальное печенье, мэм, — ответила я. — Оно еще не было готово, когда Элси забрала поднос.

Услышав мое аристократическое произношение, миссис Тилли нахмурилась.

— Пытаешься подражать тем, кому вовсе не равня? — Ее собственное произношение все еще свидетельствовало о том, что она выросла в Ист-Энде.

— Нет, мэм. Я всегда так говорила. Мой отец был джентльменом.

— Тогда что, во имя всего святого, ты тут делаешь?! — вмешалась одна из дам.

— Моя мать умерла. Отец заболел и стал слишком плох, чтобы работать, поэтому мне приходится содержать младшую сестру, — пояснила я. — А когда тебе пятнадцать, работу найти непросто.

— Бедное дитя... — вздохнула та же дама. — Жизнь порой бывает так жестока! — Потом она взяла с тарелки пирожное со взбитыми сливками, надкусила его, и над ее верхней губой появились тонкие белые усики. — Ни за что не догадаетесь, что я слышала насчет Сильвии, — переключилась она на другую тему.

— Расскажите же! — подались вперед остальные дамы, тут же забыв обо мне.

Наверное, вы могли подумать, что с того момента моя судьба переменялась к лучшему. Так оно и было, но лишь отчасти. Мне по-прежнему приходилось вставать ни свет ни заря, но когда миссис Тилли принимала гостей, она теперь всегда устраивала так, чтобы я прислуживала им в гостиной.

— Ее отец был аристократом, — театральным шепотом сообщала она. — А потом родители умерли. Я взяла к себе эту маленькую бедняжку.

Мне же надлежало стоять перед ними неподвижно, как статуе. Сохраняя каменное выражение лица, я давала понять, что меня это не трогает. Я хотела, чтобы

эти самодовольные, снисходительные дамы знали: что бы они ни говорили, им меня не сломить.

— Когда-нибудь... — шептала я себе под нос, хотя и сама толком не понимала, что хотела этим сказать.

Я только знала, что если продержусь достаточно долго, обязательно смогу найти способ сбежать и изменить свою жизнь.

Единственная радость для меня в домашнем укладе мистера и миссис Тилли заключалась в том, что супруги любили поесть. Они питались настолько обильно и разнообразно, что в каждый свой выходной, который бывал у меня раз в неделю, я относила отцу и Луизе остатки с их стола. Отец тоже знал толк в еде. В те времена, когда мы могли позволить себе достойное питание, он был настоящим гурманом. Теперь он с нежностью вспоминал о званых ужинах, которые ему довелось посетить, индийских пирушках, загородных пикниках, о праздновании Рождества в семейном поместье. Его глаза загорались, когда он видел мои еженедельные дары, завернутые в чистую салфетку.

— Ну и ну! — восклицал отец. — Жареный фазан! Я словно в детство вернулся! Помню, старый граф как-то устроил настоящий пир. Мы тогда поохотились, и я подстрелил парочку фазанов. Вы просто не поверите, до чего ж они были хороши! И копченый лосось! Милая моя, ты просто чудо, а не дочь! Ты наша спасительница!

Он брал мои руки в свои и смотрел на меня с таким же обожанием, как раньше на маму. Я старалась улыбаться ему в ответ, хотя мне хотелось кричать ему в лицо: «Твое детство было сплошной пирушкой, а знаешь, на что похоже мое?! Тебе приходилось когда-нибудь скрести полы до ссадин на руках? Или тащить уголь вверх по лестнице на четыре пролета? Ты понятия не имеешь, на что меня обрек!» Однако он стал таким худым и бледным, что я не могла сказать ему

ни единого грубого слова. Он называл меня чудо-дочерью, спасительницей, и я действительно начинала верить, что смогу вернуть его к нормальной жизни, если буду приносить домой достаточно хорошей пищи, чтобы он отъелся. Каждый раз я старалась отыскать припрятанные по всей квартире бутылки и избавиться от них. Однако через некоторое время поняла, что все надежды тщетны: отец явно намеревался свести себя выпивкой в могилу. Стало ясно, что мне придется по-прежнему служить у миссис Тилли и терпеть такую жизнь, пока кто-нибудь другой не возьмет на себя заботу о Луизе.

Миссис Тилли похвалялась, что у нее самая хорошая кухарка в Лондоне.

— Я переманила ее от титулованных особ, — говорила она. — Не врут люди: деньги решают всё. Я, знаете ли, плачу ей куда больше, чем она получала на прежнем месте. И мне частенько завидуют: теперь у нас лучший стол на много миль вокруг.

У себя в кухне мы тоже питались неплохо, и я обнаружила, что унаследовала от отца вкус и любовь к изысканной еде. Дома мы всегда потребляли довольно простые блюда, даже когда держали кухарку, и меня очаровал процесс создания замечательных, разнообразных кушаний.

«Расскажите, как вы готовите этот соус из петрушки, это безе, это устричное рагу», — просила я миссис Роббинс, кухарку. И если у нее находилась свободная минутка, она делилась со мной своими кулинарными секретами.

Через некоторое время, видя мое явное желание заниматься приготовлением блюд и склонность к этому делу, она заявила миссис Тилли, что старые ноги не позволяют ей больше часами стоять у плиты и ей нужна помощница. В этом качестве она потребовала меня. Миссис Тилли согласилась при условии, что мое

жалованье останется прежним и я все так же буду прислуживать гостям.

Итак, я стала работать на кухне. Миссис Роббинс приобрела в моем лице усердную ученицу. После ведер с углем, которые приходилось таскать по лестницам, стоять возле кухонного стола и готовить казалось райским блаженством. Для самой неприятной работы, вроде чистки картошки и нарезки лука, у нас была судомойка, а мне приходилось заниматься всякими не требующими особых навыков действиями — разминать в пюре вареную картошку с маслом и сливками, поливать вытопленным жиром жаркое, чтобы оно равномерно покрывалось поджаристой корочкой... Я не возражала. Мне нравилось находиться среди насыщенных кухонных ароматов, нравились вид хорошо пропеченного пирога и то удовлетворение, которое я испытывала, когда миссис Роббинс довольно кивала, глядя на приготовленные мной блюда. И, конечно, мне нравился вкус того, что я создавала.

Теперь, вернувшись домой к отцу и Луизе, я могла гордо заявить: «Я сама зажарила этого фазана!», «Сама испекла этот яблочный пирог!» Произнося эти фразы, я испытывала неопишемую радость.

— У тебя хорошее чутье к этому делу, — сказала мне миссис Роббинс.

А через некоторое время она даже стала интересоваться моим мнением:

— Как думаешь, нужно досолить это жаркое? Или, может, тимьяна добавить?

Больше всего я любила заниматься выпечкой. Миссис Роббинс показала, как делать пирожные, легкое, будто воздух, безе, нежное печенье разных сортов и пышные торты. Проведя год у нее в ученицах, я поняла, что могу теперь расправить крылья и получить место кухарки, а вместе с ним — соответствующее уважение и жалованье. Но я совершила ошибку, рассказав

о своих планах миссис Роббинс, которая сообщила о них мадам. А та вовсе не хотела меня терять. Она понимала, насколько наличие служанки-аристократки влияет на ее статус.

— Давай-ка расскажи, как твой отец служил в Индии, — приказывала хозяйка, когда дамы приходили к ней в гости. — Поведай нам про двоюродного дедушку-графа и роскошный дворец, в котором он живет.

Услышав, что я подумываю об уходе, она вызвала меня в гостиную и заявила, что, если у меня хватит неблагодарности оставить ее дом, рекомендации мне не видать. Говоря это, она улыбалась, или, сказать вернее, ухмылялась, потому что знала: без рекомендации меня никто не станет нанимать. Выходило, что я застряла у Тилли, хотелось мне того или нет.

Я пыталась строить планы побега. Возможно, я могла бы уехать в Америку. Думаю, на американцев должны были произвести впечатление мой аристократический выговор и происхождение. Там я смогла бы стать кухаркой или устроиться в магазин для приличной публики, а может, наняться в компаньонки к какой-нибудь даме. Но только в этой бочке меда была ложка дегтя: каждое заработанное мною пенни сейчас уходило на отца и Луизу. Я не могла ни бросить их, ни скопить себе на дорогу.

Отец умер осенью, когда мне исполнилось двадцать. Это не стало для меня громадным потрясением. Должна признаться, я не горевала так, как подобало бы дочери. Работая служанкой, я научилась отключать все чувства.

Миссис Тилли дала мне выходной, чтобы я могла организовать похороны.

Когда мы с Луизой вместе стояли у могилы, она сказала:

— Ну вот все и закончилось. Я, пожалуй, даже рада, а ты?

— Рада, что отец умер?

Она робко улыбнулась:

— Я имела в виду не совсем это. В конце концов, он был нашим отцом, и, наверное, когда-то мы его любили, но ведь нам приходилось жить, словно бы затаив дыхание, ожидая, когда придет конец.

— Да, так оно и было, — согласилась я. — Но меня волнует, что теперь будет с тобой?

Сестре было почти семнадцать, она выказывала мало интереса к школьным занятиям и недавно стала ученицей модистки. Ей очень подходило это занятие, потому что она была из тех девушек, что любят себя в зеркале и жаждут однажды оказаться в свете, в то время как меня интересовали скорее книжки, чем тот образ жизни, которого у меня никогда не будет.

— Тебе нравится твоя работа? — поинтересовалась я. — И твои наниматели?

Сестра неуверенно кивнула:

— Они очень добры.

Но в ответ на вопрос, сможет ли она жить с семьей владельца магазина, Луиза, покраснев, сказала, что в этом нет необходимости, она продержалась до смерти отца, а сейчас уже сосватана и собирается замуж.

— Замуж?! — Я уставилась на нее, не веря своим ушам. — Но ведь ты еще ребенок!

— Чепуха! Многие девушки выходят замуж в семнадцать лет, — возразила Луиза. — И Билли хорошо обо мне позаботится. Мне не придется работать.

Я была до глубины души потрясена, узнав, что молодой человек, за которого она собралась выйти замуж, — Билли Харрисон, сын мясника, над лавкой которого мы снимали квартиру.

— Сын мясника? Луиза, ты не можешь выйти за торговца, иначе отец в гробу перевернется!

Сестра заносчиво посмотрела на меня:

— Можно подумать, Белла, мы чем-то ему обязаны!

— Он делал для нас что мог, — проговорила я, сама себе не веря: от того, что он делал, не было никакого толку.

Луиза накрыла ладонью мою руку:

— Не волнуйся! Билли — это хорошая партия. У его отца три лавки и свиноферма в Эссексе. Одну лавку он собирается отдать под начало Билли. Мы будем жить с его родителями в миленьком домике на Хайгейт-хилл, пока Билли не подыщет для нас собственный дом. А ты можешь уйти из служанок и жить с нами. Я уверена, Билли не станет возражать.

Не могу передать, какими страданием обернулась для меня та ночь. Конечно, я желала сестре добра и хотела, чтобы она была счастлива. Но ведь мне пришлось пять долгих лет заниматься тяжелой, изматывающей работой, чтобы у нее были еда и крыша над головой, а она тем временем не имела ни малейшего понятия, какую жизнь я веду. Я хотела, чтобы она получила образование, чтобы у нее было больше возможностей, чем у меня. И вот теперь она собралась замуж, а я... А я до сих пор живу как узница в доме Тилли!

Жизнь казалась жутко несправедливой. Но потом я вдруг осознала, что больше не буду нести ответственность за сестру и смогу сама распоряжаться своим жалованьем. Я накоплю денег и куплю билет в Америку! Эта мысль так приободрила меня, что в следующий выходной я решила себя побаловать. Больше никаких визитов домой с тем, что осталось от пиров Тилли! Лучше поехать в Вест-Энд, поглазеть на витрины магазинов, может, купить себе новый гребень для волос или даже румяна для слишком бледных щек, а еще зайти в кондитерскую и выпить чаю.

Я спустилась в метро и села на поезд до «Бейкер-стрит», а потом перешла на линию «Бейкерлоо» и добралась до «Оксфорд-Серкус».